

Эта женщина блещет эмоциональностью, элегантностью и экстравагантностью. Любое ее появление на публике, будь то театральная сцена или показ мод, производит впечатление. А виновница волнений остается непосредственной и естественной. Коротко стриженная, то ли девочка-проказница, то ли мальчик-шалун, очаровывает режиссеров Виктюка и Фоменко. Игра ее на сцене лучезарна и сильна до остроты. Но передать ее словами почти невозможно — эмоции улетучиваются. Остается актриса Юлия Рутберг в Вахтанговском театре. «Зойкина квартира», «Дама без камелий», «Принцесса Турандот», «Я тебя больше не знаю, милый».

Сидя на балконе на Смоленской площади, мы с Юлией Рутберг с высоты птичьего полета разглядываем пыльную майскую Москву. Слабый ветерок навевает что-то воландовское.

— Юлия, а как вам вообще дьявольская, чертовская тема?

— Все, что связано с дьяволом, мне внушает как минимум опасение. Но вот уже несколько раз я сталкивалась с ролями, которые несут в себе отголосок этой темы. Но я пытаюсь всегда рассматривать чертовщину через персонаж Воланда. По-моему, это человек, который пришел на землю, чтобы прежде всего сделать добро Мастеру и Маргарите, поставить на место бесстыжих, наглых. Я ненавижу этот класс, который Воланд уничтожал. Этих бесконечных администраторов, этих бесконечных людей, которые отрывают руки режиссерам, не дают писать романы, которые заседают в Моссовете, принимают бездумные решения и едят в этих бесконечных ресторанах. А Воланд увидел все это с высоты птичьего полета и принял решение, кого сечь, а кого пощадить. И сек он правильно. И произошло воссоединение двух

светлых и талантливых людей. А это так редко бывает, что я принимаю и приветствую.

Может быть, потому, что я человек весьма и весьма ироничный и с наличием некоторого серого вещества в голове, мне доверяют роли, которые часто приходится выдумывать. В зале ведь бывает разная публика, и нужно пронести этот выдуманный образ через собственные чувства и сердце, чтобы сложилось впечатление. А потом публика выяснит, кто испытал маразм, кто оргазм, кто решил удариться в сионизм, а кто в ленинизм.

А сейчас мы репетируем Пушкина, и там есть тайная недоброжелательность, которая тоже связана с чертовщиной, с мистификацией, с метафизикой. Мы воспринимаем это с позиций интеллекта, потому что дьявол — это вам не простой смертный. Чертовщина и воландовские проявления — это наличие колоссального ума и иронии.

— Насколько важны для Юлии Рутберг естественность и ироничность?

— Огромное количество людей придумы-

ли и предполагают иронию, то уже ближе к сарказму.

Меня очень часто ругает мама, потому что я не всегда властна над выражением собственного лица. И это так прокалывается! Вдруг до такой степени меня что-то шарахнуло, что у меня вытягивается подбородок, наливается лицо. Окружающие толкают в бок и говорят: «Перестань, ведь люди видят!»

— А родители вас строго воспитывали?

— Они строгие в том, что касается этических норм. А вообще-то они всегда разрешали мне все. У нас потомственная театральная семья. Бабушка и дедушка по маминой линии танцевали в знаменитом ансамбле НКВД, откуда взялся Юрий Любимов, Юрий Силантьев. Там был такой театр «Остров танца». Бабушка была блистательной исполнительницей народного танца, английские газеты писали про нее: «Русская красавица Леночка Кудельская». Дедушка — солистом классических танцев («Шурале»).

А папа мой закончил режиссерский факультет, он мастер пантомимы. Так получилось, что папа сначала был начинающим инженером, потом учился в ГИТИСе и был одним из руководителей студии «Наш дом», куда отдавал почти три четверти своей зарплаты. А мама, закончив Гнесинский институт, преподавала в музыкальной школе. Сколько я себя помню, у нас в семье никогда не было денег. И всегда у нас все жели, обеды, ночевали.

— Происходит ли так, что ваши героини со сцены вторгаются в вашу личную жизнь?

— Почти всегда мои героини живут во мне. Во многие спектакли я погружаюсь, в них сосредоточиваюсь. Вот «Зойкина квартира» идет семь лет, но этот спектакль меня не отпускает, я с огромным удовольствием играю.

Чем лучше спектакль, чем больше ты затрачиваешься, тем больше ты освобождаешься от разных собственных эмоций, заполняешься энергией какой-то новой силы. Когда в тебе что-то перегорает, начинается закип, такое забродившее сусло, и ты не знаешь, куда с этим деться, то это вызывает или агрессию, или депрессию. Порой это начинает разъедать, расpirать, портится настроение, хуже играешь, а потом — взрыв, энергия уходит и... (шумно вздыхает).

— А что такое высшее наслаждение?

— Это бывает редко. Но это удивительнейший кайф, когда ты понимаешь, что идеально точно существуешь в пространстве и времени.

Фото Михаила КОРОЛЕВА, стилист Лев НОВИКОВ

Юлия РУТБЕРГ:

«Мое тело ведет собственную жизнь»

Моск. Комсомолец. — 1995. — 26 мая. — с. 4.

Родители привили мне очень строгое отношение к театру. Я училась в Гнесинской музыкальной школе, а танцевать научилась сама, генетически. Я в детстве собирала гостей, ставила пластинку Андрея Миронова, где он поет песни Кима, и пела, и танцевала импровизационно. Мне задавали тему, и я танцевала всю пластинку. Классе в 9–10-м я достигла фантастических результатов, потому что действительно могла импровизировать на одну и ту же мелодию совершенно по-разному, у меня так тело работало, и это доставляло мне колоссальное удовольствие. Я была помешана на Миронове, мне казалось, что это идеальный сплав музыкальности, танцевальности и выразительности.

Мы с папой танцуем вдвоем с детства. Он приучал меня к нетрадиционному танцу. И папа научил меня, что очень важно, слушаться партнера. Когда на каком-то рауте приглашают танцевать, на чем обычно горят люди, каждый пытается быть лидером и вести. А партнеру нужно отдаться в танце и попытаться телом следовать за ним. Это иногда бывает очень верное существование и на сцене, и в жизни. Хотя это очень сложно, ведь должны быть очень сильные партнеры. Я люблю людей сильных, мне всегда интереснее с теми, у кого я могу чему-то научиться, с теми, за кем я могу пойти.

У нас был творческий вечер «В гостях у семьи Рутбергов», где мы с папой воспользовались нашими внешними данными, нашим невероятным сходством и решили сделать «зеркало». Когда-то это делали тонкий и толстый актеры, у «зеркал» бывали разные формы. А мы сделали семейный, в чем-то сентиментальный номер абсолютного отражения папы и дочки. Мы взяли нашу любимую музыку Гершвина «Крейзи фо ю». Мы отобрали очень легкие движения, но так поставили наш номер, что казалось, что это архисложно. За такие «обманки» я обожаю театр!

Родителями и Богом мне дано, что мое тело всегда проживает свою собственную жизнь в каждой роли. Я запоминаю текст, мизансцены спектакля втапыванием, телом, мышцами. И текст у меня идет как бы параллельно с жизнью тела.

Ироничная, веселая, но иногда я могу быть совершенно другой. Это, наверное, приобретение последних лет, потому что мне иногда приходится вступать в такое единоборство с мужчинами, которые старше меня, наделены большей властью. И здесь я поняла, что у меня начинают воспитываться достаточно жесткие качества, которые е-

скажут себе маски, образы, меняют голос, начинают закатывать глаза и демонически хохотать. И когда я это вижу, мне становится ужасно жаль таких людей.

Мне, наверное, удалось сохранить естественность процентов на 98. А два-три процента некоего вежливого существования появились у меня в последнее время, когда я стала попадать на светские рауты. Я иногда бываю... ну как козе баян мне все это мероприятие, а я вынуждена вести себя прилично и достойно. А я человек

ужасно увлекающийся... И вот на всяческих вечерах и презентациях я научилась «носить лицо». Я его надеваю, когда выхожу в свет, но иногда что-то происходит, и оно сбивается.

Но я считаю, что это хорошо, быть естественным человеком, я не стыжусь и не боюсь своих эмоций. Хотя очень сложно бывает жить ироничной женщине. Постоянно ожидают от тебя чего-то такого — вот сейчас придет Рутберг и пошутит. А иногда бывает так, что и разговаривать-то не хочется. И тогда видишь тень разочарования в глазах окружающих.

Ироничная, веселая, но иногда я могу быть совершенно другой. Это, наверное, приобретение последних лет, потому что мне иногда приходится вступать в такое единоборство с мужчинами, которые старше меня, наделены большей властью. И здесь я поняла, что у меня начинают воспитываться достаточно жесткие качества, которые е-

Это связано и со смеховой реакцией зала, и с тишиной. Потому что иногда по тишине и по зрительскому вниманию можно определить, насколько люди погружены, как завязался контакт, и в какие-то моменты зал начинает взрываться. Если это комическая роль, то это одна природа. А если это связано с серьезными, трагическими проявлениями, то иногда наступает такой момент, что чувствуешь себя центром вселенной, хозяйкой жизни, хотя при этом на сцене могут быть еще двадцать человек. Можешь молчать, может быть закрыто лицо, но исходит такая энергия предыдущих сцен, ты сжата, как пружина, что зал воспринимает все через молчаливый объект человека с закрытыми глазами... Это как озарение.

— А если спросить по-виктюрски, это похоже на моменты любви?

— Я думаю, сравнивать не стоит. Здесь действуют другие человеческие окончания. Все, что может быть связано с любовью и интимом, не может быть адекватно огромному залу. Эти удовольствия нельзя сравнивать. Когда об этом говорят, я всегда испытываю неловкость, потому что эту тему нужно оставить в покое хотя бы для того, чтобы у людей остались хоть какие-то тайны. И так стало доступным все: скрытая камера, закрытая камера, под водой, на земле, через огонь... А все равно всякий раз, когда возникает любовь, это между двумя, и никогда ничего похожего у миллионов людей не бывает.

Чем больше говорят на тему человечности, достоинства, любви, тем больше эти понятия входят в тираж...

Очень жаль, что сейчас все стали говорить друг другу «ты». Надо мной смеются, что я по крайней мере первые два часа знакомства обязательно говорю «вы»... «Ты» должно возникать органично. Я не люблю, когда мне «тыкают», резко и болезненно реагирую, когда ко мне в гримерку входят без стука, пусть даже с комплиментами.

Я вообще не требую никогда никакой любви и считаю, что любить тебя должны твоя семья, твой муж, твой ребенок и, может быть, те люди, которые тебе дороги. А все остальные должны просто уважать и относиться к тебе с интересом. Любить все друг друга не

могут, иначе у нас сердце бы было размером не с кулак, а с телевизор!

Мне кажется, чем медленнее происходит столкновение людей, тем прочнее связи. И в дружбе, и в любви. Потому что если сразу начинать на градусе кипения, то потом дальше некуда расти. Когда кульминация в начале, самое интересное позади, потому что самое интересное в любых отношениях — дорога к кульминации.

— Есть ли у вас свой секрет улучшения настроения?

— Можно просто пойти и накопить много вкусной еды! Я раба своего желудка. И, конечно, покупаю красивые туфли.

Я обожаю «собирать», «подсматривать» походы. А походка всегда зависит от обуви. Если это ботинки, которые можно одеть с шерстяным носком, это одна походка, если это высокий каблук — другая, если без каблука на жесткой подошве — совсем другая. И тело двигается иначе, ноги, руки.

Я бесконечный наблюдатель, я подсматриваю в метро, в троллейбусе, ведь каждый второй — это такой персонаж! У кого-то, например, центр фигуры в подбородке, он идет, и подбородок его ведет! Есть люди, бедра которых выписывают «восьмерки», это невозможно смешно, такая эротическая походка для клоунов. Толстые люди ходят по-своему, а худые по-своему. Вот недавно я видела женщину, которая была одета в платье, а сверху сетка, на шляпе тоже сетка, а в руках мужской портфель в авоське. В этом же можно сразу на сцену выходить. Брехта играть.

Я собираю всякие туфли, я собираю старые сумки, я помешана на шляпах, перчатках, шарфиках. Дома кладешь, и я все это вечно волоку в театр!

А в одежде я предпочитаю английский стиль, причем мужской. Мне нравится гранж, но дендизм все-таки лучше. Четкий, графичный, с локальными цветами. Часто я выбираю какие-то выразительные предметы, например, люблю ходить с мундштуком и в пенсне и вокруг них выстраиваю свой образ. Ненавижу сладкие запахи, люблю терпкие мужские духи и одеколоны.

— Юлия, признайтесь как худая женщина худой женщине, вы быстро смирились со своей комплекцией?

— Я никогда не придавала своей фигуре никакого значения. Ее мало, и это меня устраивает. Я считаю, что худоба — огромное удобство в жизни и сильное выразительное средство на сцене. Поэтому я очень люблю вкусно поесть и сразу же после этого худеть.

Беседовала Яна ЖИЛКОВА

Фото Михаила КОРОЛЕВА, стилист Лев НОВИКОВ